

Анна Осокина

Невольница императора

«Литнет»

2022

Осокина А.

Невольница императора / А. Осокина — «Литнет», 2022

Император пришел завоевывать новые земли и забрал у меня все: родных, мужа, право стоять во главе моего народа. У меня не осталось даже собственной свободы. И теперь мыслями владеет только месть. Я сбегу от императорских воинов, подберусь к правителю и убью его, даже если за это придется поплатиться жизнью! Меня ничто не остановит, даже не вовремя возникшие чувства к простому вору, который волею случая помогает мне в столь нелегком деле. А быть может, вор не так уж и прост?

© Осокина А., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

День, который должен был стать самым счастливым в моей жизни, превратился в кошмар. Я Ильминара, дочь Сондра, властителя Кривых гор, и сегодня день моей свадьбы.

Голова чуть кружилась от насыщенного дымом благовоний воздуха. Я медленно и величаво ступала по дорожке, усыпанной белоснежными цветами, задевая их носками сапог. Лепестки тихо шуршали, касаясь подола длинного платья. Других звуков слышно не было. Торжественная тишина заполняла храм. Я не могла охватить сразу всю картину, лишь выхватывая отдельные ее кусочки, которые западали в душу. Знала, что запомню этот день на всю жизнь. Хотела запомнить. Хотела впитать в себя каждое воспоминание!

Глаза отца. Гордые, радостные. Глаза матери — со слезами счастья. Младшие сестры с одинаковыми выражениями лиц: веселыми, но с толикой зависти. Остальные гости, стоявшие по бокам от узкой дорожки, ведущей от входа в храм к алтарю, как будто сливались в единое пятно. Их было слишком много. Мужчины, женщины, дети. Не совсем малые, ведь те могли нарушить торжественность момента. Все они пришли почтить властителя и его старшую дочь, которая выходит замуж.

И глаза моего будущего мужа. Он стоял у жертвенного алтаря рядом со старым волхвом. Мой жених. Мой Дринкрис. Голубоглазый, среброволосый, широкий в плечах, высокий, как медведь. Он смотрел на меня, и внутри я замирала от этого взгляда. Еще ни одному мужчине не было дозволено так меня разглядывать: с нетерпением, с радостным ожиданием. Казалось, он еле сдерживается, чтобы не кинуться ко мне навстречу. Темно-синяя рубаша с вышитыми белыми рунами на рукавах и вороте. Точно такие были на подоле и поясе моего платья. Длинные стройные ноги, облаченные в штаны из кожи белого горного оленя.

Я глядела на Дринкриса и не могла сдержать радостную дрожь. Да, это редкость, чтобы жених и невеста понравились друг другу с первого взгляда. Но у нас все получилось! Кажется, я буду счастлива с этим человеком. Отец смог угодить мне, и я хотела в ответ угодить ему: быть самой красивой невестой в истории горного народа. Пускай об этом дне сложат легенды! Сама того не подозревая, я была права, только совсем не думала о том, что на самом деле послужит поводом для бардов.

Преодолела оставшееся расстояние, и волхв протянул мне руку. Приняла ее и встала по левую сторону от старика. По правую стоял жених, который тоже взял протянутую ему ладонь служителя. По пальцам побежали мурашки, которые расходились дальше по всему телу. И в полнейшей тишине, в которой было слышно только дыхание собравшихся, завела тонкую и тихую мелодию флейта.

Я украдкой взглянула на жениха, но он заметил и ответил улыбкой. От этого на душе стало еще светлее. Мы ни разу с ним не разговаривали, но я отчего-то была уверена, что голос у него низкий с чуть заметной хрипотцой.

Волхв прочел короткую молитву, которая воздавала хвалу Великому Отцу и Благой Матери. И все это время я ощущала необычный прилив сил. Другие женщины рассказывали мне, что так всегда бывает во время свадебного обряда, ведь это не просто слова. Судьбы мужа и жены сплетаются крепким узлом. А после молитвы волхв Брехтус посмотрел на моего жениха.

— Берешь ли ты, Дринкрис, сын Окнирса, вождь племени горы Ахов, в жены Ильминару, дочь Сондра?

— Беру, — улыбнулся тот, и его голос оказался в точности такой, каким я воображала.

— Берешь ли ты, Ильминара, дочь Сондра, властителя Кривых Гор, в мужа Дринкриса, сына Окниса?

— Беру, — почти с благоговением посмотрела на голубоглазого гиганта.

— Да будет так перед лицами Великого Отца и Благой Матери! — волхв соединил наши ладони, не отпуская их, и от этого движения все волосы на коже поднялись дыбом. Я ощущала тепло тела мужа, и это было очень приятно.

А потом... все и случилось. В мою жизнь пришел кошмар.

Где-то на улице раздался короткий вскрик. Сперва я не обратила на него внимания. Мало ли что могло приключиться. А потом — лязг оружия. Дверь в храм распахнулась и резко ударилась о стену. На пороге появились вооруженные люди с бордовыми нашивками в виде треугольников на кожаных доспехах там, где расположено сердце. Но даже без этих отличительных знаков я поняла бы, что это — люди императора. Никто иной не посмел бы заявиться с оружием на порог святого места, где горцы веками поклоняются Великим Предкам.

Нежная мелодия оборвалась внезапно. Волхв отпустил наши руки и сделал шаг в сторону вошедших. Позади них, на пороге, раздался стон. Из-за сапог имперцев показался один из горцев, он полз, оставляя за собой алую полосу. Я видела, как он уже занес руку с коротким кинжалом, чтобы вонзить его в ногу одному из врагов. Но те опередили его. Сразу двое проткнули нашего охранника мечами.

По залу пронеслись восклицания изумления и ужаса. Мы еще ничего не сумели понять. Какая-то женщина закричала и кинулась в сторону пронзенного, но воины оттолкнули ее. Она упала, но снова вскочила, со скулением бросившись на врагов. Один из них уже наставил в ее сторону меч, но ее успели подхватить другие женщины и оттащили в дальний угол, откуда раздавались ее отчаянные рыдания.

— Как смее вы... — голос волхва дрожал от гнева и напряжения. — Как смее вы врываться в место святое с оружием и проливать здесь кровь?! — наконец смог он закончить фразу.

— Именем императора! — выступил вперед один из прибывших. — Это селение захвачено. Сдавайтесь, и никто не пострадает.

Я смотрела на все это с широко раскрытыми глазами и не могла поверить в то, что они меня не подводят. В то, что я правильно слышу ломаный, весь изуродованный акцентом горный язык.

Мой отец, в сущности, еще совсем не старый человек крепкой наружности с темными волосами, едва тронутыми сединой, вышел вперед.

— Я Сондр, властитель Кривых Гор, и вы пришли на мою землю. Убирайтесь отсюда!

Видела, что он сжимает кулаки. Только что он мог поставить против вооруженных до зубов воинов?

— Все кончено, Сондр, властитель Кривых Гор, — с насмешкой в голосе произнес враг. — Теперь эта земля принадлежит Его императорскому величеству Хакасану Второму, правителю империи Охсай, южных и восточных равнин... — он сделал паузу и добавил: — И властителю Кривых Гор!

Те имперцы, которые стояли за ним, дружно воскликнули:

— За императора!

Я прекрасно понимала охсайское наречие, которое было самым распространенным в империи, потому что отец с детства учил меня языкам наших соседей. Ведь как старший ребенок я должна была когда-то занять его место рядом со своим мужем.

Краем глаза увидела, как Дринкрис сделал несколько шагов к моему отцу. Именно он должен был когда-нибудь править вместе со мной. И все об этом знали.

— Горный народ ни за что на свете не будет подчиняться никому, кроме своего властителя! — твердо сказал Дринкрис.

— Кто первый желает не подчиниться воле императора? — возвысил голос воин, продолжая так сильно коверкать мой язык, что понять что-либо было сложно.

— Отойди, Дринкрис, — тихо приказал мой отец, и тот послушал. Сделал шаг назад, закрыв меня широкой спиной.

С колотящимся сердцем я выглянула из-за его плеча.

— Никто из здесь собравшихся не признает за вашим императором право командовать нами, мы — вольный народ! Тысячи лет горцы были свободны!

Голос отца звучал громко, отражаясь от каменных сводов крыши и усиливаясь. Он говорил как истинный правитель. И, несмотря на опасную ситуацию, у меня все волоски приподнялись на теле от его тона. Все горные вожди признавали власть моего отца, и я прекрасно знала почему. Не потому что титул властителя достался ему от его отца, а тому — от отца его отца. Хотя так и было. Но потому что он подтверждал свое право на доверие. Подтверждал ежедневно многие дюжины лет, правив мудро и честно.

— Великий Отец и Благая Матерь покарают вас! — снова возвысил голос волхв.

Он, возможно, не обладал той же силой, которая буквально струями изливалась из моего отца, но тоже производил впечатление. Однако, кажется, только ни на воинов императора. Они лишь засмеялись на это замечание, хотя я даже не уверена, что они понимали наш язык, но каждый из вошедших косился на того, который знал наше наречие, и в точности повторял все его эмоции, в том числе и смех.

— Вы пришли к безоружным людям! — Сондр сделал шаг в сторону мечников, одновременно разводя руки в стороны, показывая, что он говорит истину. — Вы убили того, кто охранял безоружных!

— Никто не смеет не подчиняться воле его императорского величества!

— Где он, ваш император? — ухмыльнулся отец. — Может, это ты? — он ткнул пальцем, показывая на говорившего. — Или ты? — глянул на его соседа. — Выходи и сразись со мной один на один, как мужчина с мужчиной! Выходи, и решим, кто из нас достоин! И если в равном поединке я проиграю, может быть, мои люди смогут принять нового правителя!

После этой пламенной речи говоривший с отцом император разразился диким хохотом, который подхватили его товарищи. Я поморщилась. Мне хотелось зажать уши, только бы не слышать этот смех, который оскорблял всех нас.

— Император не опускается до того, чтобы разговаривать со всякой швалью!

— Так вот кто мы для него! — Сондр сделал еще шаг в сторону пришедших, и я испугалась за него, дернулась в его сторону, но Дринкрис успел схватить меня и прижать к себе. Сердце выпрыгивало из груди от тревоги за отца.

— Вы пришли именно в тот день, когда мы все безоружны, когда мы собрались в святом Храме Великого Отца и Благой Матери, чтобы соединить судьбы двух молодых людей!

А потом отец вдруг замолчал и растерянно оглянулся на мою мать. И я видела его лицо. Оно было белым, как извести. Он снова обернулся к вооруженным людям.

— Это все неслучайно! — он выставил руку в обвинительном жесте.

— Еще шаг, и я тебя проткну, — спокойно предупредил тот, который говорил и до этого. Но отец как будто его не слышал. Он все приближался.

— Вы знали о том, что сегодня свадьба моей дочери! Вы нарочно подгадали нападение, когда почти все мужчины, способные держать меч, в храме без оружия!

Воин, к которому он подошел ближе всех, сделал резкий выпад. Я с ужасом наблюдала, как из спины нашего властителя показалось лезвие меча.

— Отец! — я закричала и хотела кинуться к нему, но муж мне не дал этого сделать.

Одновременно со мной закричала мать и мои сестры. Их удержали другие гости, не дали подставиться под оголенные мечи.

Сондр упал на колени, все еще не сводя взгляда с обидчика, не опустив головы.

— Ну разумеется, — сказал имперец, резко вытянув из его тела лезвие. — Император — великий стратег, он знает, когда нужно нападать.

— Пусти, пусти! — шептала я, глотая беззвучные слезы, но Дринкрис этого не сделал.

Тогда я совершила то, чего он не ожидал: резко наступила ему на ногу, одновременно ударив локтем в бок. Он ухнул и выпустил меня из рук. А я, не помня себя от гнева, кинулась на врагов.

— Ильминара! — растерянно крикнул муж, но времени оборачиваться не было.

Кажется, враги не думали, что напасть может женщина, и это стоило им нескольких мгновений промедления. Я кинулась на убийцу своего отца. Он выронил окровавленный меч. И попытался оттолкнуть меня от себя. Но я повисла на нем, сбив с его головы кожаный шлем, впилась в его короткие темные волосы, ощущая, что вырываю их клоками. И это доставляло мне темную радость и удовлетворение.

Мы упали на пол. Я кричала без слов. Он попытался оттянуть мои руки от своей шеюлы, но в это время я наклонилась к его лицу и что было силы сомкнула челюсти на щеке, ощущая, как рот заполняется металлическим вкусом его крови. Она текла по моему подбородку, а я все сильнее сдвливала зубы, пока не поняла, что во рту оказался кусок его плоти. Я с удовольствием выплюнула окровавленный ошметок ему же в лицо.

— Уберите! — кричал он на своем языке. — Уберите от меня эту безумную! Уберите! Уберите!

Он буквально визжал, как поросенок, которого попытались неудачно заколоть. Я знала, что враги не проткнут меня мечом, как отца, потому что в этом случае рискуют убить и своего. И потому все теснее прижималась к мужчине, обвив его ногами, словно пылая любовница. Но произошло то, о чем я не подумала: скулу пронзила боль. Я не сразу поняла, что случилось. Только когда огромный кулак в жесткой кожаной перчатке снова ударил меня в лицо, разжала руки, потому что на миг потеряла способность двигаться. Тело как будто перестало мне подчиняться. Я лежала на полу и могла только моргать, слыша, как вокруг кипит драка. Наши мужчины схватили кто что мог: факелы, скамьи, камни из тех, которые лежали у основания алтаря. Дринкрис держал в руках ритуальный нож, которым закалывали животных по праздникам.

Та часть меня, которая уже оправилась от удара, ликовала: горцы никогда не покорятся чужой воле! Никогда!

Вокруг творился хаос. Кричали женщины, плакали дети. Я слышала стоны умирающих.

Ко мне подползла мать и стала оттащить из-под сапог дерущихся, которые только чудом не затоптали меня, пока я лежала не шевелясь. Постепенно способность двигаться возвращалась. Я ощущала, как лицо пылает и пульсирует.

Дринкрис бился, как дикий вепрь. Это было впечатляющее зрелище. Из всех наших он один держал в руках хоть какое-то подобие настоящего оружия. И он владел им чрезвычайно умело. Нож против мечей — оружие слабое, но сереброголовый великан сумел отправить на тот свет нескольких имперцев, прежде чем его приперли к стене сразу трое.

Звуки боя затихали со всех сторон. Я беспомощно оглядывалась. Пол храма блестел от крови. И много ее принадлежало моему народу. Сердце закололо от зрелища мертвых тел повсюду. Моя свадьба превратилась в кошмар.

— Сложи оружие, поклянись в верности императору, и мы сохраним тебе жизнь, сохраним жизни вам всем! — сказал все тот же воин, который до этого разговаривал с отцом. Он смотрел прямо на Дринкриса, безошибочно определив, что именно за ним в отсутствие властителя пойдут другие горцы.

Муж был весь изранен. Множество небольших порезов кровоточили на теле, но ни один не выглядел смертельным. Я замерла, страшая его ответа. Если он согласится, я возненавижу его! Если он согласится, это будет означать лишь то, что мы проиграли. Но мы не можем проиграть! Нет!

— Дринкрис! — я медленно поднялась на колени, а потом, держась за стену, встала. — Дринкрис! Посмотри на меня! — голос звучал требовательно и строго.

И он посмотрел. Посмотрел по-настоящему. Я знала, что он поймет. Знала, что этот человек не подведет. Что он не сдастся! Мое лицо все сказала за меня. Жених медленно кивнул, а потом перевел взгляд на врагов.

— Передайте императору, пускай поцелует меня в зад!

Три лезвия одновременно пронзили его. Но мужчина даже не охнул. Он широко улыбнулся, и из его приоткрытого рта потекла вишневая струйка. Я смотрела, с каким достоинством умирает этот светлоглазый великан, и была горда, что, пускай недолго, но называла его женихом и мужем.

Телега медленно покачивалась, и, наверное, благодаря этим монотонным движениям я впала в полузабытье. Знала, где нахожусь. Знала, что меня увозят из родного дома. Знала! И все же сознание каким-то образом убедило меня в том, что день только начался. И моя свадьба все еще не состоялась. И мой отец до сих пор жив... Это был одновременно и сон, и воспоминание, от которого сладко щемило в груди.

— Мина! — запыхалась мама, ворвавшись в комнату, словно осенний ветер. — Где тебя нечистый носит! Гости уже собрались!

Сказать по правде, я застряла в этом узком ритуальном платье и не могла двинуться ни туда, ни сюда. И из комнаты в таком виде не выйдешь, и прислужниц я отослала по наивности своей. Привыкла справляться с повседневными нарядами самостоятельно. Никак не ожидала, что свадебное одеяние сделает мне такую подлость.

В таком нелепом виде: руки над головой, шея и спина прямые, словно я кол проглотила, а ноги от бедер и дальше обнажены — я простояла уже некоторое время. Сначала попыталась сама освободиться из плена, но не тут-то было. Противная материя намертво меня захватила. Я скакала козой по комнате, пытаюсь дозваться хоть кого-то, но тщетно.

— Ма-а-ам, — захныкала я.

Она прыснула и пришла мне на помощь.

— Горюшко ты мое, ну в кого ты такая неловкая, Мина? — когда ей удалось впихнуть меня в платье, мать рассмеялась уже в голос. — Ну вот, всю прическу растрепала.

— Это не я, — вздохнула я, сев на табурет, чтобы мать могла привести мои темные локоны в надлежащий случаю вид. — Это все дурацкая одежда. Почему так узко?

— Все выходят замуж в такой, — беззлобно проворчала она. — Потерпи. Взойдет луна, и ты его снимешь.

Я притворно тяжело вздохнула.

— Ты его уже видела? — повернулась я к ней, и женщина недовольно цокнув, вернула мою голову в прежнее положение. — Моего жениха?

— Разумеется, — загадочно сказала она.

— И-и-и? — снова не удержалась и посмотрела на нее я.

— Мина! — повысила голос мать. — Сиди смирно! Опять косу переплестать! Как была маленькой егзой, так и осталась ею, когда выросла.

— Ну ма-а-ам, — вздохнула я.

— Ладно, ладно, — сменила она гнев на милость. — Красив твой Дринкрис. Красив, как племенной бык, и высок, как дуб.

— А волосы? Отец говорил, что он среброволосый, это так?

— Так дочка, так, тебе достался самый лучший муж. И молод, и статен, и богат.

— А глаза его ты видела? Какие они? Добрые ли?

— Отец не отдал бы тебя за плохого человека, сама знаешь.

Я снова вздохнула, нетерпеливо теребя ткань василькового наряда. Жители гор верят, что этот цвет приносит удачу, а еще символизирует жизнь и новое начало, поэтому жених и невеста всегда в синем.

— Просто не терпится его увидеть.

— Еще насмотришься на него за всю жизнь, — засмеялась мать. — Готово!

Она отошла от меня на несколько шагов, любуясь результатом работы.

Я поднялась и подошла к зеркалу. Я ли это? Мои синие глаза словно впитали в себя цвет ткани, став еще более насыщенными. Длинные волосы мать заплела в несколько тяжелых кос и свила из них подобие цветов. Я покрутилась перед зеркалом и осталась довольна. Платье облегалo все выпуклости, и этот вид стоил того, чтобы потерпеть некоторые неудобства.

— Пойдем вниз, милая, все уже заждались. Боюсь, как бы волхв раньше времени не попробовал наш медовый квас.

Я засмеялась. Все в округе знали, что Брехтус питал слабость к хмельным напиткам.

Накинула на плечи накидку из шкуры лисицы. Осенью в наших краях еще не слишком холодно, но все же лучше скрыться от ветра, чем потом шмыгать носом в первую ночь, проведенную с мужем.

И вот мы спускались по широкой деревянной лестнице просторного дома. Дома, в котором я выросла, в котором всегда царил уют. Не знаю, как матери удавалось сдерживать суровый и вспыльчивый нрав моего отца. Но он при ней всегда шелковый ходил. Хотя для остальных это гордый и грозный правитель. Властитель территорий от перевала до самой высокой горы Ахов, за которой начинались степи и река. А за рекой — земли императора.

Я постаралась отогнать от себя лишние мысли. Не пройдет и двух страж*, как я назову своим мужем чудесного человека, вождя одного из северных горных племен, которое подчиняется моему отцу. А если он окажется не совсем чудесным... Что ж, придется узнать муженьку, что я не из робкой дюжины, и вдавливать голову в плечи при каждом суровом взгляде не собираюсь. Впрочем, он и так это прекрасно понимает. Многие женщины гор такие, очень многие. И я не исключение. Мы и приголубить можем, и приласкать, а коль что не по нашим желаниям — держитесь все.

Мы вышли во двор. Там было тихо и пустынно. Я даже поежилась. Обычно здесь всегда царит оживление. А сейчас только ходила парочка кур, сбегавших из курятника, да пес завилял хвостом, когда увидел нас.

Мама взяла меня за руку и уверенно повела за ворота. Идти — всего ничего, поэтому даже в таком неудобном одеянии я не стала думать о повозке. Ведь дом властителя находился аккурат напротив главного храма, где проводились все торжества.

*Стража — промежуток времени, равный двум часам.

И в тот момент, когда мы вошли в храм, когда я увидела жениха, вдруг дернулась и проснулась. Да, это все безвозвратно прошло. А сейчас я двигалась в совершенно неизвестном мне направлении в совершенно чуждую жизнь. Вернее, не так: я прекрасно знала, куда меня увозят, и это выжигало все внутренности. Меня везли в Бургхам, столицу империи Охсай. Сперва я не понимала, почему так происходит. Почему имперские воины просто не убили меня. Убей они старшую, «безумную горную кошку», как меня прозвали после того нападения, дочь властителя, им было бы гораздо спокойнее. Моя мать, мои сестры — они не такие, как я.

Они смогут смириться со своей судьбой. Возможно, даже спокойно примут навязанный новый порядок. Кто теперь будет заправлять Кривыми Горами? Согласится ли мой народ на нового повелителя? Я надеялась, что нет. Всем сердцем желала, чтобы они продолжали сражаться до последней капли крови!

Вопрос, почему они оставили меня в живых, не давал покоя. Основная часть сил, прибывших к нам, осталась в моем селении, чтобы контролировать ситуацию, но дюжина воинов вместе со мной отправилась в свое логово. Неужто из меня собирались выколачивать какую-то информацию? О чем? Вряд ли я могла бы им сообщить что-то полезное. Но они-то этого не знали. А, может, просто хотели наказать за нападение на одного из них? Но почему не на месте?

Я храбрилась! Поддерживая репутацию «безумной горной кошки», кидалась на стражей, которые подавали мне еду. И с тихой радостью смотрела на то, что стало с лицом воина. Он ходил с широкой повязкой на полголовы и обходил повозку со мной по большой дуге, а я, глядя на то, что он даже не может надеть шлем, улыбалась. Это меньшее, что я могла сделать за смерть отца и мужа. По крайней мере, этот имперец уже никогда не сможет без содрогания взглянуть на свое отражение. Как бы я хотела, чтобы моя слюна оказалась ядовита! Чтобы он в мучениях умер у меня на глазах! Но даже тогда это не искупит их вину. Единственное, что может дать мне удовлетворение, — смерть императора. И сперва я думала, что к нему меня и везут, поэтому сидела тихо. Лишь изредка пугая подхаживших слишком близко имперцев. Они дергались от любого моего резкого движения, будто я могла этими же зубами перекусить путы, которым они связали меня, словно я вепрь какой-то, будто могу в любой миг освободиться и перегрызть им здесь всем глотки. Но проблема была в том, что, хотя я и пыталась строить из себя бесстрашную горную женщину, внутри все вопило и колотилось от страха. Я прятала его глубоко внутри, пыталась задавить, вытеснить из себя, но ничего не получалось! Как никогда, я ощущала себя просто маленькой девочкой, которую разлучили с домом, отобрали у матери, на глазах у которой убили отца.

Но только ночью, когда все спали, кроме караульных, я позволяла себе украдкой плакать. И тут же корила себя за слабость. Но ничего не могла поделать. Я всего лишь песчинка в огромной пустыне. Я — капелька в море. Что я могу?!

Мы ехали уже седмицу*. А когда переправились на большом пароме через полноводную реку Сребру, вдалеке я увидела что-то... Не знала, как это назвать. Это были какие-то возвышения, похожие на горы. Только гор на равнинной местности быть не могло. Из чего сделала вывод, что эти башни и шпили — рукотворные.

А вечером, перед тем как заснуть, случайно подслушала разговор двух стражников, которые как раз сменялись. Разговор для меня стал крайне полезным. Из него я узнала несколько важных вещей.

*Седмица — неделя.

— Завтра ко второй дневной страже будем в Бургхаме, — сказал мужчина средних лет. Он потягивался и зевал, видимо, хотел скорее лечь отдохнуть перед завтрашним переходом.

— Я надеялся, что уже сегодня дойдем, — как-то удрученно вздохнул его товарищ, который выглядел значительно моложе.

— Шпили императорского дворца видишь?

Молодой долго вглядывался вдаль, но в свете заходящего солнца, очевидно, ничего не смог разглядеть.

— Не-а, — покачал он головой.

— Вот и я не вижу, а сторожевые башни уже видны.

— И что это значит? — не понял его сменщик.

Собеседник недовольно скривился, будто вынужден был объяснять малому ребенку очевидные вещи.

— Шпили дворца очень тонкие, и как только мы их увидим, значит, осталось двигаться около двух страж. А башни видны уже за четыре стражи. Вот и считай сам, сколько нам осталось.

— Сложно это, — протянул молодой.

Теперь я поняла, что за горы видела впереди — это здания! Огромные, мощные здания столицы. Я никогда не задумывалась, что чьи-то дома могут настолько отличаться от наших!

— Послужишь с мое, научишься, — хлопнул его по плечу товарищ.

— Да, если какая-то безумная не нападет, как на Гвардуса, — молодой понизил голос до шепота и покосился в мою сторону, но я сделала вид что сплю.

— Он совсем плох, — так же шепотом подтвердил воин, а у меня от его слов радостно забилося сердце. — Сразу не пожелал прижечь щеку, а теперь вряд ли долго протянет. У него начался сильный жар.

Молодой выругался, я точно не поняла, что он сказал, потому что ругательствам меня никто не учил. Но следующие слова заставили меня напрячься.

— До сих пор не понимаю, почему мы просто от нее не избавились? — проворчал молодой. — Лишние хлопоты. Да и Гвардус, хоть и заноза в заднице, но все же жаль его.

— Ты же знаешь, что император не разрешает трогать женщин и детей. Но и оставить ее мы там не могли. Она старшая дочь этого их... главного... Мужика ее мы убили, а как вышла бы замуж за кого другого? Правильно Гвардус сказал: нам нужно ослабить их. А это женщина там ни к чему.

— Да, но разве это женщина? Это безумная... — он снова посмотрел в мою сторону, я вовремя сомкнула веки на всякий случай, хотя в сумерках он вряд ли увидел, что я бодрствую. — Безумная... скорпионша! С ядовитой слюной! Не иначе как в ней сидят нечистые!

— Ты знаешь, что бывает, когда император узнает, что его приказы нарушаются. А он обязательно узнал бы! Кто-то да донес бы. Так что терпи. Немного осталось, приедем в город, Гвардуса в лазарет сдадим, а эту, — опытный воин тоже глянул в мою сторону, я поняла это лишь по изменившемуся направлению звука его голоса, глаза боялась открыть, чтобы не выдать себя. — А эту на невольничий рынок. Правильный хозяин быстро выбьет из нее спесь и весь ее яд.

В этот момент воины не таясь засмеялись. Кто-то из своих шикнул на них, и они тут же притихли. А я лежала в повозке, откуда мне нельзя было вставать, и изо всех сил сжимала челюсти, чтобы не закричать в бессильной ярости. Они не собираются везти меня к императору! Я не смогу отомстить ему! Не смогу убить!

Всю ночь я не сомкнула глаз. Лежала и следила за убывающей половинкой луны, которая двигалась по небосклону. И думала, думала, думала, пока от мыслей не разболелась голова. Мне нужно сбежать, пока не слишком поздно. Сбежать, чтобы проникнуть в императорский дворец и уничтожить убийцу моего отца! И я с отчетливостью поняла, что это стало моей единственной целью в жизни. А потом — будь что будет! Мне не жаль отдать жизнь ради благой цели. А в том, что убить угнетателя — цель благая, я ни на миг не сомневалась.

Приняв решение сбежать, я больше не медлила: начала расшатывать веревки на руках. Кожа за несколько дней в путах и так была красная от постоянного соприкосновения с жестким и колючим материалом, а когда я целенаправленно принялась тереть узлы, очень скоро показалась кровь. Трудно было преодолевать боль и не обращать на нее внимания, но у меня получалось. Перед глазами все время стоял умирающий отец. Скольких любимых мужчин мы

потеряли в тот день? Втайне я радовалась, что не успела как следует узнать Дринкриса, иначе рана в сердце оказалась бы гораздо глубже. Но он был достойным мужем. И достойным человеком. Достойным горцем. Я с честью собиралась нести вдовство, сколько бы еще нити жизни мне не отмерила Благая Матерь.

Проведя в бесполезных попытках несколько страж, я поняла, что расшатать веревки не получится. Только кожу окончательно стерла. И это доставляло сильные неудобства. Старалась не шипеть, когда бечевка касалась раны. В беспомощной злобе я откинулась на бортик повозки, в которой проводила все время, пока меня сопровождали в столицу, и несколько раз приложила затылком. Боль в голове привела меня в чувство. Сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Как же поступить?

— Ты что там делаешь? — услышала голос одного из конвоиров. Зевая, он залез ко мне в телегу. — Что за шум?

Все это время я притворялась, что вовсе не понимаю охсайский язык. Но план созрел внезапно. Вот он, мой шанс! Единственный! Другого уже не представится, мы слишком близко подобрались к Бургхаму, чтобы медлить.

Я лениво улыбнулась, глядя на воина, и отстранилась от стены, выпрямив спину. В предрассветных сумерках видела, что он напрягся, и его рука тут же дернулась к мечу, который висел на поясе. Мой взгляд метнулся к его оружию и обратно к глазам.

— Что, женщины испугался? — усмехнулась я.

— Ты говоришь по-нашему? — неподдельно удивился охранник.

— Научилась, пока с вами ехала, — оскалилась я, ожидая, что он поймет шутку, но, судя по глазам этого молодого еще мужчины, юмор он не оценил.

Я тихо рассмеялась, но получилось чересчур хрипло, как будто тело больше не могло воспроизводить такие звуки. Они остались в той прошлой счастливой жизни. А теперь настали темные времена. Но я не собиралась сложить кровоточащие руки и ждать, пока меня продадут.

— Что смешного? — нервно сглотнул тот.

— Ничего, — решила сменить я тактику, видя, что такое поведение его только пугает. А мне нужно было приманить его к себе как можно ближе. — Просто очень пить хочу. Можно мне воды?

— Получишь вместе с завтраком, — кинул он и собирался уже спуститься.

— Ублюдок, — тихо выругалась я, но так, чтобы он обязательно это услышал.

— Что ты сказала? — повернулся воин.

— Что ты ублюдок, — спокойно сообщила я и посмотрела прямо ему в лицо.

Только что он находился в четырех локтях от меня, и вот уже его рука полетела к моему лицу. Яркая боль на миг ослепила меня. Не кулак, и на том спасибо.

— Останешься без завтрака! — он сплюнул на дно повозки рядом со мной и спрыгнул на землю. — И без воды.

Ничего не ответила. Больше и не нужно было. Все, что хотела, я сделала. В лодочках зажатых между собой ладоней я сжимала то, ради чего устроила весь этот балаган: небольшой кинжал, который входил в снаряжение каждого имперского солдата, как я уже успела заметить. Не теряя времени, принялась пилить веревку. Хотя она была толстой, лезвие оказалось острым, и нужно было двигаться осторожно, чтобы не разрезать ее полностью. Я не собиралась сбегать прямо сейчас, здесь совершенно негде спрятаться. Кругом — голая степь. Нужно попасть в город, а уж там, улучив момент, скрыться.

Когда путы стали держаться лишь на нескольких тонких нитях, которые я без труда могла разорвать, если разведу ладони, остановилась.

Наш небольшой лагерь начинал просыпаться. Нужно было скорее избавиться от оружия, пока его у меня не обнаружили. Конечно, я могла бы его спрятать под юбку, но если хозяин ножа поймет, что он лишился его по моей милости, весь план полетит к нечистому в зад. За

эти дни еще никто ни разу не проверял, хорошо ли я связана, но всегда бывает первый раз. И мне очень не хотелось, чтобы он наступил именно сейчас.

Каждое утро и каждый вечер меня отводили в кусты, которые то и дело встречались по дороге, где я могла справить нужду. Сейчас я как никогда ждала этого момента, но вовсе не потому, что того требовало тело. Казалось, оно вообще перестало чувствовать необходимость в чем-либо. Я хотела скорее избавиться от ножа.

И очень скоро ко мне действительно подошел воин. Только не тот, который охранял меня на рассвете, а его товарищ. Я не знала, к добру это или к худу. В кустах, куда меня привели, пахло чрезвычайно неприятно. А другой растительности в округе не наблюдалось, из чего я сделала вывод, что это единственное отхожее место в нашем лагере, и с чистой совестью оставила кинжал там на самом видном месте.

— Давай быстрее! — недовольно пробурчал конвоир.

Я снова сделала вид, что не понимаю ни слова, и гордо выплыла из кустов, ни капли не ускорившись. Может, это ребячество, но мне доставляло удовольствие наблюдать их раздраженные рожи. А что он мне сделает? Ударит? Так это мы уже проходили.

Завтрак все же принесли. Как благородно. Конечно, тот мужлан, с которым у нас вышла стычка на рассвете, здесь ничего не решает. Поэтому я накинулась на еду, понимая, что в следующий раз смогу поесть, скорее всего, очень не скоро.

— Кто, мать вашу, кинжал потерял?! — раздался громогласный голос.

Уплетая кашу за обе щеки, я опустила глаза, чтобы никто из проходивших мимо имперцев случайно не увидел довольную усмешку.

Кричал кто-то из старших. Такой командирский тон обычным воинам не присущ. Пользуясь общим замешательством, я вытянула шею, выглянув за стенки телеги. Имперцы судорожно осматривали оружие. Мой знакомец побледнел, нащупав в ножнах пустоту. Я чуть противно не захихикала и поскорее спряталась обратно в телегу.

Не слышала, что он говорил командиру, который обнаружил кинжал, но тон голоса звучал очень виновато.

— Иктум! — заорал на него старший. — Голову в следующий раз потеряешь!

— Твои слова да Великому Отцу в уши, — прошептала я сама себе, чувствуя, как телега трогается с места.

Нет, я вовсе не забыла пощечину, и, несмотря на то, что сама спровоцировала его, очень хотела отомстить. Только пока, кроме этой небольшой полумести с кинжалом, ничего не могла сделать.

Глава 2

Мы уже приближались к городской стене. По рассказам старшего поколения, я знала, что города в империи всегда огораживаются крепостными стенами. Да, таким, как эти, следует бояться. Слишком много крови они проливают, чтобы спать спокойно. Когда совесть нечиста, думаешь, что все вокруг враги. У них же тут даже хищники не водятся, не то что в горах. Однако горцы никогда не отгораживаются от природы, предпочитая жить в ладу с ней. А эти... Я мысленно махнула рукой, тем не менее во все глаза разглядывая шпили высоких зданий, которые виднелись и отсюда.

Мы долго стояли в очереди на въезд в город, потому что стража досматривала каждую повозку, а желающих посетить Бургхам оказалось довольно много. Но стоило нам миновать точку досмотра и войти в ворота, как в рядах моих похитителей поднялся переполох. Сначала это был просто непонятный шепоток, который, как степной ветер, проносился от человека к человеку, но потом вести дошли до их главного. Тот почему-то окинул меня долгим взглядом. Я старалась не показывать заинтересованность, но, наверное, мое выражение лица все сказало за меня. Пришлось первой отвести глаза и притвориться, что еще не все рассмотрела на городской стене.

— Что ж, он был хорошим воином, наверняка Бог забрал его в свою армию, — при этом мужчина воздел палец к небу.

А потом совсем рядом со мной послышался шепот, который я прекрасно расслышала. И если оставались еще какие-то сомнения, о ком говорит их главный, они тут же рассеялись.

— Гвардус умер, не дотянул до лазарета, — сообщил какой-то молодой имперец, имени которого я не знала, моему знакомцу Иктуму, который так любезно одолжил свой кинжал сегодня утром.

Пришлось до крови закусить губу, потому что улыбка так и рвалась наружу. Однако, похоже, не помогло. Иктум заметил мою радость и подлетел ко мне.

— Что, сука, лыбишься?! Весело тебе?

— Иктум, перестань! — крикнул ему товарищ, но тот даже не посмотрел на него.

— Она знает наш язык! И слышала наши разговоры!

Похоже, я его успела достать.

Я?! Да я милейшее существо! Если не трогать меня и мою семью, разумеется. Да, разговоры-то я слышала, только они все такие банальные, что пропускала их мимо ушей. Мне совершенно не было интересно, кто сколько баб, по их выражениям, поймел. От этого и хотелось бы закрыть уши, да руки были связаны.

Однако когда я увидела его горящие глаза, в меня будто нечистый вселился! В самом деле, не знаю, что на меня нашло, но я не смогла подавить слова, которые рвались из горла.

— Что, ублюдок, решил продолжить начатое?

Он в мгновение ока оказался на повозке, подскочил ко мне и ударил. На этот раз не ладонью, а кулаком. Удар получился такой силы, что, кажется, на какое-то время я отключилась. Буквально на миг или около того. А когда снова смогла соображать, он уже заносил кулак для второго удара. В последний момент я подставила руки, закрывая лицо. Запястья тут же онемели. Но хотя бы не скула. Уже хорошо.

Со всех сторон к разбушевавшемуся мужчине бежали его товарищи. Командир что-то кричал ему, я не стала вслушиваться. Его пришлось оттащить сразу двум воинам. А я в этот момент поняла, что от удара веревка лопнула.

На меня никто не смотрел. Все были заняты Иктумом. Его продолжали держать, при этом к нему приблизился командир с бордовым, как закатное солнце, лицом. Он строго что-то выговаривал ему. И это тот самый шанс, которого я так долго ждала! Имперцы были растеряны

из-за смерти Гвардуса от такого пустяка, как прокушенная щека, и сметены из-за поведения своего товарища. Впервые за все дни этого проклятого путешествия на меня никто не смотрел!

Собрав силы в кулак, я медленным движением приподнялась, глядя одновременно на всех и ни на кого, и перетекла через стенку повозки. Ноги коснулись булыжника, которым вымостили улицы.

Вокруг нас сновали прохожие. Некоторые остановились и откровенно наслаждались сценой, которую тут устроил цвет имперской армии. Но большинство просто шло своими дорогами. Почти никому здесь ни до кого не было дела. И какую-то часть меня это поразило, но другая часть порадовалась, потому что это явно мне на руку.

Обошла телегу, чтобы не быть на виду у всех. А потом стала медленно пятиться. В мою сторону все еще никто не смотрел. Я мысленно воздавала хвалу Великому Отцу и Благой Матери, что они покровительствовали мне. Так неторопливо, хотя внутри ощущала себя натянутой тетивой лука, я зашла за угол каменного дома. И тут уж кинулась во всю прыть! Бежала так, как никогда в своей жизни! Бежала, сворачивая то в один, то в другой переулок, пока не услышала, что где-то далеко поднялся еще больший переполох. Не сомневалась, из-за чего именно.

Имперцы наконец заметили пропажу. Идиоты! Благая Мать, какие же они идиоты! Если и император такой же, мне совсем не составит труда подобраться к нему и убить.

И все равно сердце скакало бешеной белкой. Я до сих пор была в своем свадебном одеянии, которое уже порядком испачкалось и неприятно пахивало. В окрестностях Бургхама оказалось значительно теплее, чем в горах, где уже дули холодные северные ветры. Тут в полдень было еще почти жарко, и мне нестерпимо хотелось снять с себя эту одежду. Но не только потому, что она загрязнилась и напоминала о самом кошмарном дне в моей жизни. Это все тоже, но все же главная причина заключалась в том, что по ней меня очень быстро могли найти: слишком приметно я в ней выглядела. Пока бежала, обратила внимание, как одеваются местные женщины. И их наряды довольно сильно отличались от наших, по крайней мере, от моего свадебного.

Продолжала двигаться, углубляясь в город. А меня преследовали крики, хотя и еще довольно далеко. Значит, все же находились люди, которые указывали дорогу, куда побежала горянка в своем приметном синем одеянии, будь оно неладно!

Удача снова повернулась ко мне прекрасным ликом, когда я, в очередной раз повернув в тихий безлюдный переулок, врезалась всем телом в недавно развешенные на веревках вещи после стирки. Они все еще были немного влажные, но выбирать не приходилось. Почти не сбавляя ходу, боясь быть застуканной за позорным занятием, я не глядя схватила несколько вещей, надеясь, что среди них будут нужные, и продолжила бег.

Грудь жгло огнем, воздуха уже не хватало. Хорошо, что поела утром, а то и сил бы не имела так долго бежать. Наконец позволила себе остановиться в совсем глухом и темном закоулке.

Быстро огляделась, чтобы никого не было рядом, и рванула ненавистное платье. Я его не снимала, просто со злостью дернула. Ткань треснула и разошлась по швам. И я смогла по-настоящему свободно вздохнуть! Тесное одеяние сковывало меня все эти дни не хуже веревок.

Натянула прохладную рубаху, которая оказалась с таким глубоким вырезом, что моя не такая уж большая грудь очень желала из него убежать. Юбка, которую я натянула следом, оказалась сильно велика, но я разорвала платье и лоскутом подпоясалась, одной стрелой убив двух оленей: и юбка теперь не грозилась упасть, и грудь худо-бедно, но зафиксировалась. Была еще безрукавка, которая могла бы полностью исправить положение, спрятав глубокий вырез, но

вот беда: она оказалась совсем мала. Видно, шили на ребенка. Но лучше так, чем ничего. Я набросила безрукавку на плечи, не застегивая. А свое платье скомкала и засунула под кучу вонючего мусора, который лежал прямо под стеной дома.

Крики приближались. Поспешила поменять место пребывания. Теперь меня не так легко выследить. Разве что по волосам. Местные заплетали их совершенно иначе. Мне нужно было рассмотреть ближе, как именно они это делали. А навстречу, как назло, женщины больше не попадались. Я решила пока вообще расплести свадебную прическу, которая все эти дни стойко держалась. Мама постаралась на славу! Я спрятала несколько шпилек в карман юбки, не переставая идти вглубь города. Тяжелые темные локоны упали на плечи волнами.

В какой-то момент показалось, что меня перестали преследовать. В этом районе царила подозрительная тишина. А тело вопило об отдыхе. Прислонилась к стене, переводя дыхание. Рядом распахнулась дверь, это заставило меня вздрогнуть. Оттуда вывалилось... нечто.

Нет, это определенно был мужчина, просто он пребывал в таком состоянии, что трудно сказать: ему очень хорошо или очень плохо.

— О! — тот остановился в дверях, держась за косяк и беспощадно шатаясь. — Уже светло! — он глотал целые слоги в словах, поэтому мне приходилось лишь догадываться о примерном смысле его речи. После этого он икнул.

Я покосилась на забулдыгу. Что интересно, одежда на нем была довольно приличная. И от него даже приятно пахло, а не разило нечистотами, как это бывает с кончеными пропойцами. К сожалению, даже у меня в горах встречается этот грех среди людей. Нет, незнакомец выглядел слегка помятым, но не более того.

— Дбре утро, м-м-милашка, — его взгляд вдруг сосредоточился на мне.

Я видела, как он долго соображал, прежде чем понял, что перед ним молодая женщина. А потом глаза поползли на грудь и задержались там. М-да. Хотелось сказать ему пару ласковых, да нужно двигаться дальше. И я пошла.

— Эй! Пстой! Ты куд-д-да от меня?!

И ЭТО пошло за мной. Недовольно обернулась и ускорила шаг. Но пьяница и не думал отставать. Он двигался на удивление проворно.

— Да стой же! Я тебя н-не обужу... обужу... обижу! — после нескольких попыток выговорил он.

Я продолжала двигаться вперед. Или назад? Уже потерялась в этих улицах и переулках.

— Кр-р-расвца!

Насколько же настырными становятся люди под чарами хмельных напитков! Я остановилась, чтобы треснуть его как следует и избавиться от столь навязчивого общества. Но вдруг снова услышала характерный шум погони. Замерла в испуге, что стоило лишь одного мига, но пропойца этим воспользовался и навалился на меня, приперев к стене.

Хотела его с криком оттолкнуть, но услышала приближение тяжелых сапог. Сапог, которые могли носить только имперские воины. Паника захватила меня с ног до головы. Сердце попыталось вырваться из горла. Я с трудом проглотила его обратно. А пьянчуга будто и не замечал ничего.

Он оказался выше меня на полголовы и так широк в плечах, что меня за ним было почти не видно, поэтому я застыла, решив переждать в его объятиях, пока стража не пройдет мимо. Лучше уж так, чем снова оказаться в плену!

— Господин! — окликнул забулдыгу страж, но тот будто не услышал. Все его внимание сосредоточилось на мне. Он втягивал в себя запах моих волос. Да, не мешало бы уже вымыться, но, кажется, ему понравилось, он потерся о волосы лицом, а потом вдруг впился в

мои губы своими. От него пахло свежим хмелем. Несмотря на опасную ситуацию, я попыталась его немного оттолкнуть, но он только сильнее прижался ко мне. Терпи, Ильминара! Терпи! Да, не таким я представляла свой первый поцелуй.

— Господин, ты не видел здесь женщину в ярко-синем наряде, горянку? — снова окликнул его служитель закона.

Пьянчуга немного оторвался от меня, чтобы смерить недобрым взглядом говорившего. Только сейчас я смогла взглянуть на него. Не из тех, которые меня сопровождали. И одет так же, как и стражники, которые пропускали нас через ворота. На его груди тоже располагалась бордовая нашивка в виде треугольника, как и у воинов. Городская стража. Хвала Великому Отцу и Благой Матери, он не знал меня в лицо.

— Крас-с-сивую?

— Видел или нет?! — начал терять терпение стражник, на меня он даже не взглянул, а я окаменела и боялась дышать, пока он находился от меня на расстоянии вытянутой руки. А потом махнул ладонью и вместе с другими двумя покинул переулок.

Я шумно вздохнула, задрожав. Почти даже не замечала, что все еще нахожусь в объятиях спасителя. Да, не всегда хмельные напитки — это зло. Мне вот помогли. Не будь он настолько не в себе, стал бы вот так ко мне приставать и настолько нагло вести себя со стражей? Что-то я сомневаюсь.

Когда его руки снова нашарили мою грудь и бесцеремонно сжали нежную плоть, я пискнула от неожиданности. Слишком задумалась.

— Пр-р-рсти, — нахмурился тот. — Пдем ко мне, я зплачу, тут недлеко, — он махнул куда-то в сторону.

Вскинула на него гневный взгляд, попытавшись вложить в него все, что думаю об этой идее. Это он что же, меня за падшую женщину принял?! Незнакомец смотрел на меня честными глазами, которые то собирались в кучку, то разбегались в стороны — не могла уследить за его взглядом. Темные длинные лохматые волосы, почти черные глаза. Тонкие ровные черты лица. Красив. Но какое это имеет значение? Я оттолкнула его от себя, а он, очевидно, не ожидая этого, сделал несколько шагов назад, балансируя в воздухе руками, но все равно не удержал равновесие и шлепнулся прямо в лужу. Я сморщилась. Это ж надо быть такой свиньей?!

Уверенным шагом пошла от него прочь. Мужчина даже и не думал меня преследовать. Уже на углу дома я обернулась. Он беспомощно смотрел мне вслед. Неприятное чувство жалости стянуло внутренности. Жалость? У меня?

А тут ко всему прочему снова услышала твердый шаг стражников. Они что, весь город в поисках меня прочесывать собираются?

— Да чтоб тебя нечистый разорвал! — шепотом ругнулась я и потрусила обратно к пропойце.

Протянула ему руку. Он снова сначала уставился на грудь и только потом — на ладонь.

— Поднимайся! — процедила сквозь зубы. — Показывай, где твой дом!

Если уж за мной охотятся, лучше затаиться. Да хоть бы даже у этого вот негодника дома. О том, что для этого мне придется делать, решила даже пока не думать. Будем решать проблемы по мере их поступления. Сейчас главное — убраться с улицы. Если для того, чтобы отомстить за смерть отца, придется пожертвовать девичьей честью, что ж, невелика цена. Я была готова на большее. Почти на все.

Шли мы действительно недолго. И это было замечательно, потому что, во-первых, мимо нас то и дело проходили стражники явно в поисках меня. И рано или поздно, но они поймут, что горянка могла переодеться, и начнут искать более тщательно. Если, конечно, им не надоест.

Не такая я уж и важная птица, раз меня просто решили продать. Но лучше перестраховаться. А во-вторых, пропойца так сильно опирался на меня, что за те несколько домов, которые мы миновали, пока подошли к его жилищу, я порядком устала. Спина, казалось, вот-вот отвалится.

Мужчина привалился к стене.

— Эт тут! — торжественно объявил он, как будто привел меня в императорский дворец.

Попробовала толкнуть дверь, но она оказалась заперта. С него станется перепутать. Вон, все дома на улице какие похожие! И двери — одна в одну!

Мимо нас прошла женщина необъятных размеров, несшая в руках плетеную корзину, из которой торчала какая-то снедь. Она неприязненно покосилась на пьянчугу, поджала губы, окинула презрительным взглядом меня, но ничего не сказала и, миновав еще несколько дверей, вошла в одну из них. Из этого я сделала несколько выводов. Он действительно тут живет, иначе соседка подняла бы шум. А еще, очевидно, довольно часто водит к себе... всяких. Благая Матерь! Какой стыд — изображать из себя неведомо кого!

— Заперто, — развела руками.

— Там, — мужик показал пальцем на карманы в штанах. — Ищи, — при этом он глупо хихикнул и чуть не упал. Я поддержала его и с недовольным видом принялась ощупывать карманы. Они были слишком глубоки, а ключ прощупывался на самом дне.

— Нежнее, млая! — он икнул и почти снова упал на задницу, но я снова придержала его.

«Милая или малая?» — почему-то крутилось в голове, пока я ковырялась в замке. Впрочем, без разницы.

Когда дверь отворилась, в нос ударил пыльный воздух. Я поморщилась. Густая темнота заполняла пространство. Единственное маленькое окно, которое выходило на улицу, с которой мы и вошли, было завешено какой-то тряпкой. Я сдернула ее, чтобы разглядеть хоть что-то. Да уж, вот как они тут живут.

Малюсенькая комнатуха с узкой кроватью, стол, один колченогий стул, сундук и почти пустой стеллаж, который, наверное, предназначался для книг, но на нем лишь одиноко стояла наполовину выпитая бутылка из темно-зеленого стекла да красивый стеклянный бокал бордового цвета, который совершенно не вписывался в обстановку. Даже печи не было. Как здесь еду-то готовить? Как обогревать помещение зимой? Ладно, мне тут не жить.

Как только мой новый знакомец ввалился в свою дыру, я тотчас заперла дверь, оставив ключ в замочной скважине. Осторожность никогда не бывает лишней.

Пропойца снова навалился на меня. Я закричала под его весом, но все же помогла добраться до кровати.

— Ид-ди сюд-да, — потянул он меня за руку, несколько раз икнув.

Я уже стала придумывать причины, чтобы отсрочить неизбежное, но, стоило его голове коснуться подушки, как он захрапел.

Шумно выдохнула и в изнеможении опустилась на кровать рядом с ним, аккуратно подвинув его ноги, чтобы тот не проснулся. Хотя, судя по его виду, он не придет в себя, даже если прямо сейчас в комнату ударит молния.

Сначала, несмотря на дикую усталость, внутри все кипело и ликовало. Я это сделала! Я смогла уйти от преследователей! Пьянчуга проспит еще как минимум три, а то и четыре стражи. За это время, может, и поиски прекратятся. А пока нужно продумать план дальнейших действий.

Однако мысли путались, ко мне то и дело подступала зевота. Прошлась по комнате. Заглянула в сундук. Там не нашла ничего интересного, только какие-то рубашки да штаны. Никакой еды здесь не оказалось, хотя я с удовольствием перекусила бы. Жажда тоже мучила меня. Откупорила пробку в бутылке и принялась. Резкий запах ударил в нос так, что я отшатнулась. Ужас какой! И он это пьет?! Но так как ничего другого не оставалось, а выходить и искать колодец было слишком рискованно, я, зажмурившись, сделала небольшой глоток.

Язык и горло обожгло как будто огнем, но жажда немного притупилась. Сделав еще несколько глотков, я почувствовала приятное тепло в груди и легкую слабость во всем теле. Оглянулась в поисках того, где прилечь, но, кроме хромого стула и кровати, подходящей мебели не нашла. Попробовала устроиться на стуле, но быстро поняла, что занятие это бесполезное. Так я не усну, а если и усну, то это грозит падением.

Вздыхнула и поплелась к занятой постели. Если бы не боялась того, что пьянчуга проснется, скинула бы его на грязный дощатый пол, потому что в таком состоянии ему было абсолютно плевать, где спать. А я после седмицы путешествия хотела нормально лечь и вытянуть ноги. Желательно на чем-то мягком.

— Что ж, — сама себе под нос буркнула, оглядывая хозяина каморки. — Хорошо, что ты только выпивкой увлекаешься, а не едой.

Действительно, мужчина выглядел скорее худощавым, чем наоборот. В ином случае вместе мы бы ни за что не уместились. Хотя его широкие плечи никуда не делись. Сейчас я могла рассмотреть его хорошенько. Лицо худое и какое-то изможденное, как после долгой болезни. Под закрытыми веками залегли темные тени.

Аккуратно подвинула его к стене, повернув на бок. Храп тут же прекратился. Чудесно. Одной проблемой меньше.

Накрыла пропойцу простыней, но не потому что пеклась о его удобстве. Его штаны впитали в себя грязь из уличной лужи, а раздевать его не было ни желания, ни сил.

Закончив приготовления, я устроилась на краешке кровати, которая показалась неожиданно удобной. Мягкая перина так и затягивала в объятия, а от лежащего ко мне спиной хозяина комнаты шло приятное тепло. Ну, хоть какая-то польза от него!

Сон утянул меня почти мгновенно. Я даже понять не успела, как погрузилась в него полностью.

Мне снился Дринкрис. Это произошло впервые. Муж крепко обнимал меня, и от его прикосновений кожа горела и покрывалась мурашками одновременно. Он касался моей шеи влажными губами, а я улыбалась от этого приятно щекочущего ощущения и отстранялась, чтобы заглянуть в голубые глаза, светящиеся добротой и благородством...

Рука мужа легла на холмик моей груди. Я чуть выгнулась навстречу, чувствуя жар тела.

— Не знаю, что ты делаешь в моей кровати, — прохрипел Дринкрис, — но я этому весьма рад.

Резко распахнула веки, скидывая с себя остатки сна. На меня внимательно смотрели черные глаза. Они чуть поблескивали в свете факела, отблески которого проникали с улицы и совсем немного делали различимой обстановку в комнате. И цвет их совсем не походил на оттенок глаз моего мужа. К тому же — покойного. Не сразу сообразила, где нахожусь. Дернулась, но мужчина меня удержал.

— Стой, куда это ты?

Я замерла, не отводя от него взгляд, как от хищника. Наконец все вспомнила. Когда он был пьян, выглядел вполне безобидно, а сейчас его глаза такими не казались. Колючие, острые, хотя на губах играла улыбка, которую он, впрочем, натянул специально.

Я хранила молчание, потому что утром он вряд ли обратил на мой акцент внимание, но теперь сразу догадался бы, что я не местная. За окном было уже совсем темно, пора и честь знать. Плохо, конечно, что план как следует не продумала, пока этот пьянчуга спал, но все же теперь на свежую голову быстро найду выход из сложившейся ситуации. Недобро на него зыркнула и снова дернулась, чтобы уйти. Но темноволосый нахмурился, а потом расплылся уже в настоящей улыбке, очевидно, неправильно истолковав мое недовольство.

— А-а-а! Я тебе еще не заплатил! — он снова зарылся мне в волосы. — Ты так сладко пахнешь!

Это после седмицы-то дороги? Ох уж эти мужчины! Его руки поползли по моей юбке, цепкие пальцы задели подол и потащили его вверх, обнажая ноги. Я беззвучно опустила ткань обратно и снова дернулась, чтобы встать.

Хозяин комнатки снова поднял на меня удивленные глаза и нахмурился.

— Да заплачу я тебе! Заплачу! За всю ночь! Успокойся!

Он раздраженно полез в карман, но сразу же помрачнел. Привстал на локте, сосредоточенно продолжая исследовать содержимое. Но я-то знала, что там только ключ утром болтался.

— Да чтоб тебя! — он поднял подушку, но и там ничего не нашел. Тогда он подхватился с кровати. Я следом за ним. Он принялся шарить руками по простыне, но все тщетно. Хотела сказать ему, что он уже вернулся домой без денег, но тогда я себя выдала бы. Так что стояла, наскоро заплетая косу, прочесывая волосы пальцами, и ехидно ухмылялась.

Поняв, что на кровати ничего не найдет, пьянчуга резко выпрямился и схватился за голову. Неужто последние деньги пропил? Но он застонал и повалился на постель.

— Голова-а-а, — протянул он.

А нечего напиваться до нечистиков! Моя улыбка лишь стала шире. А мужчина только стонал.

— Подай мне ту бутыль, будь добра! — он не глядя махнул рукой в сторону стеллажа. Подняла брови, но выполнила его просьбу.

Взяла сосуд и протянула страдалцу. Тот приложился к горлышку и долго пил. Вот это выдержка! Да у него глотка железная! Я еле смогла пару глоточков сделать и то лишь потому, что другого выбора не имела.

Когда бутыль почти опустела, пропойца поставил ее на пол и откинулся на подушку.

Я уже попятилась к двери, все равно больше с него взять нечего, отдохнула и хватит, как он бодро повернулся на бок и посмотрел на меня совершенно ясными и сосредоточенными глазами.

— Горянка, значит? — он скорее утверждал, чем спрашивал.

Я замерла на полушаге и испуганно глянула на него.

— Как ты узнал? — голос противно дрожал, я разозлилась за это на себя.

Горцы почти не отличались внешне от имперцев. По крайней мере, не настолько сильно, чтобы понять это в полутьме. А утром, я была уверена, он меня не запомнил.

— По акценту, — невозмутимо сказал хозяин каморки.

Я хмыкнула и, заставив себя перестать трястись, как листочек на ветру, смело посмотрела на него.

— Я молчала.

— А я мысли читаю, — ухмыльнулся тот.

— И о чем же я сейчас думаю? — пьянчуга начинал меня забавлять, хотя ситуация никак не способствовала веселью.

Он неожиданно грациозно поднялся, чего никак не ожидаешь от человека, который накануне сел в лужу в самом прямом смысле этого слова, и оказался рядом со мной. Аккуратно взял меня за руку и поднес ладонь к губам:

— О том, что не прочь продолжить начатое.

— Даже не мечтай, — чуть не рассмеялась от его серьезного вида.

— Разумеется, если бы у меня были деньги.

Чуть не сказала, что деньги тут вообще ни при чем, но вовремя прикусила язык.

— Предположим, — я приняла правила этой игры. Он же думает, что я пропадающая женщина, вот пускай и думает дальше. А мне лишь бы выбраться отсюда скорее, а то пока мы тут разговоры ведем, император сам себя не убьет.

Он притянул меня к себе мягко. Хотела отстраниться, но он не дал этого сделать, аккуратно удерживая. Наклонился ко мне непозволительно близко, и его губы прошли в пальце от моих, мазнув по щеке, и стали медленно опускаться по шее. По телу пробежал холодок. Мимо воли я прикрыла глаза, лишь на один миг позволив отвлечься от всего, что со мной произошло. Его прикосновения внезапно оказались приятными. Пальцы порхали по телу легчайшими бабочками. Я почти не ощущала прикосновений, но чувствовала тепло.

И совсем не поняла, как на полу оказалась безрукавка и придуманный мной из лоскута свадебного платья пояс. Юбка тотчас свалилась с бедер, оставив меня лишь в одной рубашке, которая еле-еле закрывала ягодички. Когда я осознала, что произошло, мужчина уже подхватил меня под них и бесцеремонно плюхнул на кровать, тут же навалившись сверху.

В этот момент меня накрыла паника. Я взбрыкнула и попыталась выползти из-под него.

— Ну, чего ж ты, милая, так упрямисься? — прошептал он мне в ухо, расстегивая пояс на штанах. — У меня есть деньги, обещаю. Просто они у... друга. Как только закончим, подождешь меня здесь, а я схожу за ними.

— Отпусти! — только и смогла пискнуть я. — Пожалуйста!

Весь запал, вся злость куда-то исчезли. Я могла бы повторить маневр, который совершила с Гвардусом, но отчего-то даже не подумала в тот момент, что могу причинить этому человеку боль. Напротив, меня испугала реакция собственного тела на него. Я в первый раз находилась так близко от мужчины, и... И мне это нравилось! Не хотела, чтобы он останавливался. И это было так неправильно, что из глаз мимо воли покатались горячие капли, когда его рука скользнула между моих бедер. Он замер, глядя на то, как я беззвучно давлюсь рыданиями, и тут же убрал руку. Там, где он только что касался меня, все пульсировало и горело.

— Ты чего? — кажется, сейчас я ввела его в истинное недоумение. — Я сделал тебе больно?

Замотала головой и, воспользовавшись промедлением, выползла из-под него и быстро натянула юбку, снова подпоясавшись. Подхватила безрукавку и попятилась к двери. Хозяин комнаты вполголоса выругался и быстро принялся застегивать пояс на штанах.

Трясущейся рукой я уже поворачивала ключ в замке, когда он преградил мне путь. Мы долго смотрели друг на друга. Быстрым злым движением стерла со щек остатки слез.

— Если не хочешь, чтобы в тебе сразу узнали горянку, переплети волосы. Наши женщины такие прически не носят.

Я чуть не открыла рот от удивления. Так глупо себя выдать! Благая Матерь!

— Благодарю за совет, — заставила себя гордо вздернуть подбородок. — А теперьпусти!

Он не стал мне препятствовать, а просто отошел, позволив выйти на улицу, а потом запер за мной дверь, оставшись внутри.

Я вышла, жадно глотая свежий воздух. Подставила прохладному ветру лицо. В переулке было тихо. Все спали, однако откуда-то издали доносились веселые голоса и смех. Я прислушалась. Где-то играли на цимбалах и флейте. Мое поселение после захода солнца погружалось в сон, здесь же жизнь ни на стражу не затихала. Завороженно пошла на звуки. Уж лучше буду находиться в толпе, чем одна в темноте. Среди множества людей всяко безопаснее, легче скрыться. А если меня заметит кто-то из стражников одну, это вызовет подозрения, которые мне сейчас вовсе ни к чему. Я вообще предпочла бы больше не встречаться с имперцами, имеющими хоть какое-то отношение к их правителю, будь то воины или городская стража.

Волоски на руках встали дыбом. Я ничего не слышала рядом с собой, но мимо воли оглянулась. Чувство, что за мной кто-то наблюдает, не покидало. Поспешила на отдаленные

звуки. Скорее к людям, скорее к свету! Этот переулок освещал один-единственный факел, который располагался напротив окна моего знакомого.

Я ведь даже не узнала его имени. Может, стоило перешагнуть через себя и... остаться у него? Так я получила бы убежище до утра. А потом и деньги. Разозлилась сама на себя. Как я, Ильминара, дочь властителя Кривых Гор, а теперь и законная наследница этого титула, раз уж муж и отец погибли, вообще могла подумать о таком? Пускай буду голодать, пускай замерзну насмерть, но не опущусь до того, чтобы продавать свое тело! К тому же, не так уж и холодно, а без еды могу обойтись несколько дней. Главное, за это время придумать, как добраться до императора.

Все время оглядывалась, пробираясь какими-то закоулками на отблески множества факелов впереди. Но за моей спиной оставалось пусто. Здесь жители уже спали.

Помня о том, что охсайки не заплетают волосы так, как горянки, я вообще распустила их. Моя задача была присмотреться к прическам женщин, чтобы повторить нечто подобное.

Наконец вышла на небольшую круглую площадь. По всей видимости, она являлась далеко не центральной. Я подняла глаза к темному небу. Вокруг не было высоких зданий, шпили которых я видела, еще находясь далеко от города. Зато они виднелись в другой стороне. Из этого я сделала вывод, что нахожусь все еще где-то недалеко от ворот, через которые мы сюда попали. Такой большой город — голова кругом! Нужно узнать, где живет император.

Площадь освещали костры и факелы. То тут, то там стояли палатки с готовой снедью: пирожками да печеными овощами, откуда-то нестерпимо вкусно пахло мясом. В животе заурчало. Я постаралась не внюхиваться, чтобы не разжигать аппетит, но все равно аромат вокруг стоял изумительный. Прямо посередине играли музыканты, а рядом с ними танцевала девушка в наряде, который открывал живот и довольно сильно оголял плечи и полностью — руки. У меня непроизвольно расширились глаза. Постаралась как можно лучше запахнуть безрукавку, но она никак не желала сходить с груди. Тогда скрестила руки под ней, чтобы хоть как-то прикрыться. Мне стало стыдно за свой вид. Хорошо, что отца уже забрали в свои чертоги Великий Отец и Благая Матерь, он не видит, в чем приходится ходить его дочери.

Танцовщица была с распущенными темными волосами, которые походили на мои и отражали огонь. Она обходила собравшихся с мужской шляпой в руках, и некоторые кидали ей монетки. Остановилась возле меня и качнула бедрами в такт музыке, улыбнувшись. Я внимательно посмотрела на нее и покачала головой. Девушка тут же потеряла ко мне интерес и, отбивая бедрами ритм, двинулась дальше по кругу.

Я оглядывалась, ища глазами женщин. Взгляд выхватил несколько разных возрастов. Те, которые постарше, волосы покрывали платками, более молодые зачесывали высокие хвосты, которые уже потом заплетали в косы, иногда закручивая их улитками. Возможно, различие было в их статусе. Я предположила, что платки носили замужние. Хотя не могла сказать наверняка, потому что просто не знала об этом. Учитель, который помог мне освоить речь охсайцев, совсем не позаботился о том, чтобы рассказать об их традициях или законах. Да и меня саму это тогда не интересовало. Если бы я только знала, что придется пережить, изучала бы культуру империи гораздо более тщательно. Но теперь что имею, то имею.

Отошла в тень и, все еще глаза на музыкантов и танцовщицу, пользуясь невидимками, которые остались у меня после расплетения свадебной прически, соорудила на голове нечто странное. Было трудно, потому что волосы путались без гребня. Вряд ли это можно назвать красивым, но за красотой и я не гналась, лишь бы сильно из толпы не выделяться.

— Молодая госпожа желает печеное яблочко? — возле меня возник мужичок средних лет в просторной белой рубахе и темных штанах да пыльных сапогах. Он держал короб, который крепился к его шее веревкой, с красивыми яблоками на палочках, облитыми карамелью. Плоды переливались в свете многочисленных огней. Я не сразу сообразила, что он обращается ко мне. Только когда он протянул один из своих товаров, я отпрянула, отрицательно покачав головой.

Торговец уже хотел отойти от меня, как из его рук ловко вырвал палочку с яблоком и подал мне высокий незнакомец. При этом другой рукой он кинул торговцу на короб монетку. Тот пискнул что-то неразборчивое и продолжил путь. А я так и стояла, не решаясь взять угощение.

— Ну что ж ты? — улыбнулся подошедший и чуть ближе подвинул мне яблоко. Его глаза в свете факелов казались желтыми, хотя я предположила, что днем они имели обычный светлый цвет. — Я угощаю.

Не хотелось брать что-то из рук чужого человека, ох, как же не хотелось! Оглянулась в поисках путей отхода. Он заметил это и взял меня под руку. Я вырвалась бы, да не хотела привлекать лишнее внимание.

— Возьми, я угощаю! — терпеливо сказал мужчина.

— Благодарю, — нехотя кивнула и взяла яблоко, надеясь, что он теперь оставит меня в покое. Угощение невероятно сладко пахло, и я не вытерпела: надкусила. Карамельная корочка хрустнула, а под ней на языке растекалась сладкая мякоть. Сок потек по подбородку.

Желтоглазый засмеялся, выпустил мою руку, но не отошел, а протянул к моему лицу палец и, собрав сок, медленно облизал его.

Так, с меня хватит, пора это заканчивать! Быстро доела сладость и, выкинув палочку, обтерла липкие ладони о юбку. Помогло плохо. Вода нужна. Да мне вообще не помешало бы вымыться с дороги. Но тут хоть подкрепились. И на том спасибо.

Но только я собиралась скрыться в ближайшем переулке, как он снова сцапал меня за руку.

— Пусти! — нарочно говорила по одному слову за раз, чтобы он не определил, что я не охсайка. Осторожность превыше всего.

— Не спеши так, вечер только начался, — промурлыкал нахал.

Я прекрасно знала, что могу ему сделать: резко наступить на ногу, а пока он будет сообщать, что к чему, дать локтем под дых. Этого хватило бы, чтобы скрыться. Только я очень не хотела привлекать к себе внимание, поэтому старалась уладить все мирным путем, при этом используя как можно меньше слов. Да-а-а, задача...

Пока пыталась понять, как выкрутиться, мужчина улыбнулся, очевидно, приняв промедление за согласие, и потянул меня в сторону дома со светящимися окнами. Оттуда доносился хохот.

— Я как раз направлялся на ужин, составишь мне компанию? Угощаю! — желтоглазый демонстративно позвякал монетами в кожаном кошельке, который висел у него на поясе.

С одной стороны, предложение было более чем заманчивое. Хоть поем нормально. С другой — я прекрасно поняла, за кого он меня принял. И знала, что ужин он собирается оплатить за меня не просто так. Так стоит ли наживать еще больше врагов в этом городе? Мне требовалось спокойное место, где я могла бы посидеть и подумать о том, как подобраться к императору. А здесь явно не смогу это сделать.

— Да что ж такая нерешительная? — засмеялся прилипала. — Пойдем, говорю!

Он почти силком потащил меня внутрь. Я упустила момент, когда можно было его неожиданно пнуть и сбежать. Мы оказались в шумной таверне, где у меня зарябило в глазах от света. Здесь тоже играл музыкант, только на этот раз на лютне. Мелодия звучала заводная, и некоторые гости действительно плясали с девами, которые здесь разносили еду и напитки. Но как только мы оказались внутри, одна из танцующих со смехом отлепилась от своего партнера и, получив шлепок по задку, направилась к нам.

— Прошу, господин, здесь свободный стол, — она указала в нужном направлении рукой, на меня даже не взглянув.

Желтоглазый не выпускал меня, пока не усадил на скамью у стены, а сам уселся сбоку, лишив возможности выйти.

— Кувшин меду нам! — залихватски махнул он подавальщице. — И горячий ужин! — а потом посмотрел уже на меня: — Сейчас поедим, а потом... — он придвинулся ближе. — Каморку наверху возьму, тут нормальные они. Составишь мне компанию на пару страж, — он выглядел настолько довольным собой, как охотник, поймавший крупную дичь.

Только я крупной дичью никак не была. Он попытался провести по моему лицу рукой, я чуть отклонилась, уйдя от прикосновения. Приставала лишь усмехнулся, как будто думал, что я с ним играю. А я судорожно соображала, что делать.

К счастью, очень скоро принесли заказ, и мой внезапный спутник принялся за тушеное в горшочке мясо, мне тоже досталось. Я выживала небольшие куски двузубцем и, обжигая язык, с непередаваемым удовольствием жевала пряное блюдо.

Незнакомец то и дело поглядывал на меня и все улыбался. Невероятно бесило это его выражение лица. До дрожи!

Я так увлеклась едой и бросанием на спутника неприязненных взглядов, что совсем не обратила внимания на новоприбывших посетителей. Кто-то хохотал во все горло. Отвлеклась от желтоглазого, кстати, при более ярком свете его глаза все равно оставались цвета меда, хотя скорее темного оттенка: гречишного, а не липового. Несколько вошедших мужчин занимали последний свободный стол. А когда я уже хотела снова приняться за еду, замерла. На меня не отрываясь смотрел тот черноволосый, от которого я только недавно сбежала. Он сидел один и угрюмо пил что-то из большой глиняной кружки. При этом даже когда глотал, не отводил взгляд. От этого по коже побежали мурашки.

Собеседник, если можно так назвать человека, которому я сказала ровно два слова, тронул меня за руку. Только тогда я поняла, что он уже несколько раз о чем-то спросил меня. Помотала головой, чтобы избавиться от наваждения, и попыталась изобразить хотя бы подобие улыбки. Пора думать, как отсюда свалить и раздобыть нормальную одежду, чтобы меня все кто ни попадя не принимали за продажную девку. С одной стороны, довольно неплохо: и от стражи скрылась, и поужинала, с другой... ну, и так понятно. Так что мне предстояло как-то незаметно улизнуть. Ильминара — пропащая женщина. Благая Матерь, помоги мне!

Я снова посмотрела на столик, где только что сидел тот пьянчуга, но его уже там не оказалось. Странно. Ушел, наверное. Пожала плечами и сделала глоток меда, закашлявшись. Желтоглазый расхохотался. Напиток оказался гораздо крепче, чем делали у меня дома.

— Пей, пей, — беззлобно поддел он. — Люблю, когда девка слегка того, — он сделал какой-то неопределенный жест, я так и не поняла точно, что он имел в виду.

Решила попытать счастья и сыграть дурочку. Авось прокатит. Я резко поднялась.

— Ты куда это собралась?

— По нужде, — голос звучал ровно.

— Э нет, — он покачал головой. — Потерпишь. Я на такое не ведусь. Сядь, закончим трапезу.

Мимо воли глянула на нож, который нам подали для нарезки мяса. Могла бы всадить его ему в ладонь или даже в плечо. Могла бы. Рука не дрогнула бы, но тогда меня будут искать еще и за это. Нет, нужно найти другой выход. Я села, рассерженно пыхча.

Кувшин с медом быстро опустел, при том что из своего кубка я сделала только пару глотков. Все остальное содержимое отправилось в глотку этого нахала. Великий Отец, да как же от него отвязаться-то подобра-поздорову?

Медовые глаза становились все более масляные и блестящие, мужчина поглядывал на меня все вожаденнее. А потом вдруг без предупреждения налетел и попытался поцеловать. Я

вскрикнула и отстранилась. Но он не собирался упускать свое. Грубо припер к стене и впился в обе мои груди жирными от еды пальцами. Почему-то в тот момент я подумала о том, что на одежде останутся некрасивые пятна. Пискнула и попыталась оттолкнуть его от себя, а когда не получилось, все же потянулась за ножом. Уже сжала его рукоять в ладони, когда мужлан резко куда-то отлетел.

Я вскочила, наблюдая за тем, как мой утренний пьянчуга (это ж когда он моим-то успел стать, интересно?) кинул наглеца через половину зала. Тот, разбрасывая телом мебель, отлетел к стене.

— Ты что, козел безрогий, творишь?! — тот сразу же поднялся. Видимо, его головушке все нипочем.

— Она моя, — кивнул пропойца в мою сторону, даже не глянув, собственно, на меня. Наверное, мои глаза в тот момент напоминали две луны.

— Это с чего ты так решил? — нахал подлетел к своему обидчику, закатывая рукава для удара.

— Плату взяла и сбежала, — сплюнул себе под ноги тот. — Так что она моя.

— Я ее уже ужином накормил, так что мне она тоже должна, — он вдруг, кажется, передумал бить пьянчугу. Неужто решил все решить цивилизованным путем? Или это что-то вроде как ее... мужской солидарности?

Черноглазый вытащил из кошелька золотую монету и кинул ее на стол, за которым мы сидели. Золотых имперских монет я еще ни разу не видела. Судя по удивленным взглядам всех вокруг, они тоже видели их нечасто.

— Этого должно хватить, — бросил он и шагнул ко мне.

Отступила на шаг.

— Пойдем! — потребовал он.

— Бегу и падаю!

Ага, сейчас, разбежался! Будут тут всякие со мной как с вещью обращаться!

На это замечание мужчина лишь закатил глаза и, вдруг оказавшись непозволительно близко, перекинул через плечо и понес наружу.

— Пусти! — закричала во все горло, уже совершенно не думая, что привлекаю к себе слишком много внимания. — Пусти немедленно!

Я брыкалась и колотила его по спине кулаками, но он этого даже не замечал.

Однако, когда мы вышли на улицу, пропойца шикнул на меня:

— Ты действительно так желаешь привлечь внимание стражи? Она не спит и ночью, к слову, — он говорил это совершенно обыденным тоном, как будто не меня через плечо нес, а разговаривал за чашей ароматного травяного отвара. Хотя в этом случае у него в чаше, скорее всего, находилась бы жидкость покрепче.

Как ни странно, на меня это возымело действие. Я притихла, но продолжала шипеть ему в ухо, как змея, не забывая при этом колотить по спине.

— Отпусти немедленно! Отпусти, слышишь?!

Мы вошли в нелюдимый переулок, оставив шумную толпу любителей ночных развлечений позади. Похититель резко скинул меня и, приперев к стене, хорошенько встряхнул. Даже челюсти клацнули друг об друга.

— Спасибо скажи, — мужчина немного запыхался, пока тащил меня на своем горбу. Ладно-ладно, про горб я преувеличила. С осанкой у него все нормально. Более чем. Но это вовсе не отменяет тот факт, что он неотесанный мужлан! Так с девицами себя не ведут!

Я медленно с достоинством высвободилась из его рук и подняла брови.

— Это еще за что? За то, что не дал закончить ужин?

— За то, что не дал тебя трахнуть первому попавшемуся мужику в твой первый раз.

При этом он круто развернулся и зашагал прочь. Я некоторое время постояла в одиночестве, но любопытство и желание посклочничать погнали за пьянчугой, который сейчас был не таким уж и пьяным. Да, крепким хмелем от него разило, но язык у него не заплетался, как вчера, да и на ногах он стоял твердо.

— Эй! — я вдруг испугалась, что потеряла его из виду. — Эй, ты где?!

Пошла вдоль темного переулка. Возле стены что-то зашевелилось, хотя я была уверена, что это просто груды мусора, и я, пискнув как маленькая девочка, ускорила шаг. Пропойца стоял сразу за углом, как будто поджидал меня.

— Чего пищала? — сощурился он.

— Н-ничего, — я не смогла побороть желание обернуться в переулок, из которого только что вышла. Оттуда на меня смотрела крошечная тьма, и в ней наверняка таились опасности. Почему-то с облегчением вздохнула, что сейчас не одна.

Мужчина заметил это и ухмыльнулся. А я заметила, что он заметил и, скрыв замешательство, подняла подбородок.

— С чего это ты вообще взял, что это был бы мой первый раз?

Пьянчуга захохотал и пошел вперед. Мне ничего не оставалось делать, как семенить за ним следом.

— Ну?! — пыталась спровоцировать его на ответ.

Но он лишь посмеивался, а потом серьезно сообщил:

— Нужно больше поила.

С этими словами он распахнул одну из дверей. Увлеченная попытками вытянуть из него информацию, я даже не сразу сообразила, что это очередная таверна. Заходить не решилась. Заглянула в хорошо освещенное окно, увидев множество людей за столами. Публика, в сущности, точно такая же, как я уже сегодня успела понаблюдать в другом месте. Мой пропойца не стал задерживаться, лишь протянул хозяину монету, взамен получив две большие бутылки, и вышел наружу. Я недовольно покосилась на него. Такая порция и лошадь свалит!

Он, казалось, даже не замечая меня, пошел дальше. Я, чувствуя себя собачонкой, увязалась следом. Ужасно сама на себя за это злилась, но ничего не могла поделать. Почему-то рядом с ним чувствовала себя в относительной безопасности. Странно. Правда? Так мы подошли к уже знакомой двери. На этот раз он отпер ее сам. Окинул меня взглядом, будто решая, стоит ли меня пускать.

— Заходи давай скорее, — буркнул он. — А то соседи еще чего доброго решат, что я завел себе постоянную любовницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.